

A romantic couple is shown from behind, dancing on a wet city street at night. The woman has red hair and is wearing a dark, long coat. The man is wearing a dark jacket. The street is illuminated by warm, golden streetlights, and the wet pavement reflects the lights. Buildings with lit windows are visible in the background.

ОСЕННИЙ
джаз

18+

Арина Пряная

Осенний джаз

<https://litres.ru/73999126>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арина привыкла к спокойствию. Любящий муж, работа фотографом, маленький город на Волге, где всё давно идёт своим чередом. Ей казалось, что настоящая любовь — это не вспышка, а стабильность. Не драма, а тишина рядом.

Но одна случайная встреча возвращает в её жизнь Марка — человека, с которым когда-то всё осталось недосказанным. Старые переписки, музыка, студенческие воспоминания, совместная работа, годы притяжения и попыток быть друг другу «просто друзьями» постепенно размывают границы между прошлым и настоящим.

Это роман о любви, которая длится годами — меняясь, разрушая, возвращаясь и снова исчезая. О выборе между спокойствием и чувствами.

О людях, которые слишком поздно понимают друг друга. И о том, что иногда отпустить — тоже форма любви.

Осенний город на Волге, джаз в наушниках, старые песни, творческие мастерские, дороги, снег, тёплый свет кухонь и история длиной в десять лет.

Содержание

Глава 1	4
Гл	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Арина Пряная

Осенний джаз

Глава 1

Глава 1. Коридор

Я проснулась в тишине, укутавшей комнату в полутьму. Ноябрь медленно включал свет — лениво, будто боялся разбудить город раньше времени. Шторы покачивались от сквозняка, а Арсений, свернувшись калачиком, посапывал под одеялом — как школьник, который притворяется спящим, лишь бы не идти на контрольную по алгебре.

Он всегда спал одинаково: на боку, с поджатыми ногами — как человек, который бережёт во сне то, чего у него нет наяву. Татуировки на груди — лев и орёл — в мягком свете казались особенно символичными. Сила и свобода. Или просто попытка казаться больше, чем ты есть. Я всё ещё пыталась понять, что они значат для него.

На цыпочках прокралась на кухню, включила чайник — и стало уютнее. Захотелось сделать блинчики. Они похожи на солнце, которого так не хватает осенью. Я любила эту пору — за её ароматы, за стремление вернуться домой, где тепло и ждут. И за тоску по лету. Осенью особенно остро не хватает тепла.

Некоторые блины я поджарила до хрустящей корочки — Арсений любил такие. С характером, будто прошли через испытания и выжили.

Я приоткрыла окно. Воздух был влажный, пах мокрой листвой, будто город только что умылся. Из телефона лениво тянулся джаз. Я стояла у окна в растянутой футболке и шерстяных носках, глядя, как капли стекают по стеклу — медленно, с нерешительностью старых воспоминаний. Иногда мне кажется, что я живу как будто в плёнке: всё вижу, всё чувствую — но не касаюсь, как будто боюсь стать частью жизни.

Закрывает окно. На кухне раздался голос — стены были тонкими, всё было слышно. Студия, всего несколько шагов от кухни до кровати. Но я любила эту мансарду.

— Пахнет вкусно, — сказал он, зевая. Поцеловал в висок — как по расписанию.

— Доброе утро. Садись.

Он исчез в ванную. Я слышала шум воды, потом он вышел и сделал утреннюю зарядку — и вот уже за столом, листает телефон.

— Ты сегодня на курсы?

— В четыре.

— Сможешь на такси? Я с другом договорился.

— Хорошо. Заберёшь в семь?

— Угу.

Он ел быстро. Поцеловал в щёку и ушёл. Его утро всегда

было лаконичным. Как его чувства.

Я закончила субботнюю уборку, вызвала такси. За окном — провинциальный город, уставший, с облупленными фасадами и деревьями, пережившими слишком много осеней. Рядом — Волга, широкая и неторопливая, будто на её дне хранятся чьи-то старые письма.

Таксист оказался разговорчивым. На нём — потёртая бейсболка с логотипом «Балтика-3», руки шершавые, от руля — жилистые, крепкие. Из магнитолы шёл тихий «Радио Шансон», старый *Любэ*:

«Позови меня тихо по имени...» — как будто сам воздух пел под гитару.

Голос у него — будто с кассет девяностых, когда ещё дикторы говорили: *«И для вас звучит...»*

Он молчал минут пять, потом вдруг, почти с надрывом:

— Простите... Вы красивая.

Он говорил это не в лоб, не с намёком, а будто в пустоту — просто констатируя.

Я чуть улыбнулась.

— Не обидел?

— Нет.

Он кивнул, будто прощупал разрешённую зону откровенности.

Поворот, улица Мира, за окном — собака, бегущая вдоль тротуара.

— У меня жена ушла, — сказал он.

— Недавно?

— Осенью. Говорит, пусто между нами стало. А я ведь... не бил, не пил, просто... ну, знаешь, жили. Цветов может не дарил? Глупость, да?

Я посмотрела на него — в зеркале заднего вида его глаза были чуть влажные, но спокойные. Такой тип мужчин — не рыдает, а молчит глубоко.

— Как думаете, можно вернуть? Или всё?

Это было не про него, не про его жену. Просто про людей, которые думают, что у них ещё есть время объясниться.

— Начните с цветов, — сказала я.

— Думаете, сработает?

— Нет. Но это начало. А потом — не обвиняйте. Не оправдывайтесь. Просто будьте рядом. Женщины все чувствуют.

Он кивнул, медленно, будто это был план.

За окном промелькнули дворы — серые и холодные, люди, одетые в пуховики и шарфы.

Магнитола переключилась, теперь звучала «*Земляне*»—

«*Трава у дома...*»

И всё как-то стало до боли знакомо.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Не за что.

Мы подъехали. Я вышла, запахнула пальто — вечер был сырой, пахнувший бензином и сыростью. Таксист не уехал сразу — стоял, смотрел вперёд, как будто репетировал, что скажет ей.

На втором этаже студии пахло кофе из капельной машинки, лаком для волос и рассыпчатой пудрой с ванильным шлейфом. В зале — около десятка девушек. Они занимали свои места у зеркал, обрамлённых лампочками, как в гримёрке театра. Кто-то уже примерял тональные основы, кто-то листал ленту в телефоне с зайчиками на чехле. Над ними звенел смех, щёлкали плойки, мелькали селфи в пол-оборота.

У окна, поодаль от остальных, сидела хрупкая девочка лет

шестнадцать, с косой, затянутой лентой, и аккуратно крутила кисть между пальцами — как скрипичный смычок. Её кожа была фарфорово-бледной, взгляд — серьёзным, будто она пришла не учиться макияжу, а сдавать экзамен по химии.

Рядом — зрелая женщина в свободной льняной рубашке, с короткими, аккуратно подстриженными седыми волосами. Её движения были уверенными: она ловко разбиралась в палитрах, но то и дело поглядывала на других — не из неуверенности, а как будто сравнивая, что сейчас модно.

Посередине — Вика, громкая, яркая, лет двадцати пяти, с выбритым виском и острым стрелками взглядом, вытянула губы у зеркала и спросила:

— Как думаете... дружба между женщиной и женщиной вообще возможна?

Она делала это с выражением на лице, будто уже знала, что начнётся.

Ксюша, с обесцвеченными волосами, в чёрной водолазке и серьгах-кольцах, хмыкнула, не отрываясь от палетки теней:

— Если мужчина гей — возможно. В остальном — нет.

— Или женат и с тремя детьми, — подхватила Алина, с ямочкой на щеке и губами цвета вишнёвого мармелада.

У неё были длинные накладные ресницы и розовые крос-

совки — несерьёзность, обернутая в стиль.

— А я думаю... бывает, — сказала я.

Вика обернулась — внимательно, прищурившись.

— У тебя... был такой опыт?

— Был, — сказала я. — Но это давно.

Ксюша усмехнулась, провела кистью по скуле:

— Всё, что «давно» — это либо больно, либо незакрыто.

Вика кивнула, будто сказала: *ага, я тебя поняла.*

И снова погрузилась в свои губы, стрелки, селфи.

Смех снова вернулся, но уже чуть другой — с оттенком неуверенности.

А я смотрела в зеркало — и не могла понять, кем стану сегодня, если накрасу глаза чуть темнее.

Моя модель опаздывала. Я вышла в коридор, где-то хлопнула дверь, кто-то засмеялся вдалеке. Я облокотилась на подоконник, достала телефон, мельком проверила сообщение: «Извини, задерживаюсь на 10 мин».

И тут я услышала как будто знакомый голос со спины:

— Арина?

Голос — чуть охрипший, с той самой интонацией, будто обращаются к кому-то родному, кто должен был исчезнуть, но остался.

Я подняла глаза. Всё, правда, как будто замерло. Даже звук фена из зала стих или мне так показалось.

— Марк?

Он стоял напротив, неловко улыбаясь. Чуть постоял, потом шагнул ближе — и, не спрашивая, обнял. Тепло, плотно, как будто время вообще не шло. Его свитер пах пыльной шерстью, гитарными струнами и немного улицей с сигаретами.

— Ты не изменилась. Узнал тебя со спины, — сказал он, отстраняясь. — Сначала подумал: не может быть. А потом — походка, волосы. Точно ты.

— А ты... стал взрослее, — я чуть улыбнулась. — Гитару не бросил?

— Преподаю. За стенкой — класс. С детьми весело. Иногда и сам поигрываю.

Он посмотрел вниз, на мои руки. Лёгкое движение головы, взгляд — на безымянный палец.

— Кольцо. Ты... замужем?

Немного не к месту, немного резко — но будто невольно, срываясь с языка.

Я кивнула, не поднимая глаз.

— Да. Уже несколько лет.

— Счастлива?

Марк говорил просто. Не проверяя, не подначивая. Как человек, который когда-то знал твои тихие паузы между словами. Я на мгновение запнулась. Не потому что не знала от-

вета. А потому что не знала, зачем он спрашивает. Или зачем мне вдруг так важно ответить правильно.

— Конечно, — произнесла я. Слишком быстро, как на автомате. А потом добавила, чуть тише: — У нас всё спокойно. Хорошо.

Он чуть усмехнулся — мягко, без насмешки.

— Ты чем занимаешься?

— Вот здесь учусь на визажиста, а так фотограф.— я улыбнулась. — А ты? Всё тот же, с гитарой?

— Да, вот вернулся из Астрахани летом.

Я уже хотела что-то ответить, как в коридор вошла Ксюша.

— Привет, извини за опоздание, куда идти?

— Привет, пошли, — сказала я подруге.

- Пока, пиши если что, - сказал Марк.

— Пока, — сказала я. И пошла по коридору, не оборачиваясь.

Но чувствовала, как он смотрит вслед. Этот взгляд будто касался между лопаток. За спиной хлопнула дверь — он вернулся в класс. А я — в свою жизнь. В студию, где пахло пудрой и тушью.

Вечером Арсений подъехал. Я вышла к машине, запахла пальто, в лицо ударил прохладный ветер с запахом выхлопов и мокрого асфальта. Машина фыркнула тёплым воздухом, когда я села в салон и захлопнула дверь.

— Как день? — спросил он, не поворачивая головы, глядя

вперёд.

— Встретила Марка, — сказала я, щёлкнула ремнём. — Мы когда-то дружили. Он теперь преподаёт в студии.

Он кивнул почти незаметно.

— А. Понятно. Ты про него рассказывала.

— И что? — спросил он после паузы, не то с интересом, не то просто по инерции.

— Да ничего, — пожалала я плечами, глядя в тёмное окно, где отражались уличные фонари. — Просто удивительно, как тесен мир.

Он не спросил больше. Только нажал кнопку, включил печку, потом музыку — что-то негромкое, с мягким басом. Машина наполнилась гулким, приглушённым теплом, как внутри скорлупы. Я положила голову на подголовник, прикрыла глаза. Всё расплылось.

Я почти уснула и не заметила, как мы приехали домой. Я проснулась от лёгкого толчка — машина остановилась. Сквозь стекло пробивался приглушённый свет фонаря, в ноздри тут же вошёл привычный запах подъезда. Арсений наклонился:

— Мы дома.

— Ммм... — я кивнула, сонно улыбнувшись, натянула рукав пальто на руку и взялась за ручку двери.

Под ногами чавкал первый снег. Мы поднялись по лест-

нице и зашли в нашу уютную квартиру. Дома пахло как-то особенно уютно. Он поставил чайник, а я вытащила из холодильника оставшуюся чечевичную похлёбку. Пока она грелась на плите, мы молча смотрели друг на друга: он — с локтем на столешнице, я — с ложкой в руке. Было в этом что-то детское: будто мы играем в «семью», но всерьёз.

— Голодна? — спросил он, подвигая ко мне тарелку.

— Ага. Сильно. — Я начала есть, не дожидаясь чая, и он засмеялся:

— Всё как всегда.

Мы ели на кухне, греясь — не столько от еды, сколько друг от друга. Я рассказывала про Марка, про урок, про девочку, которая использовала синие тени, хотя урок был посвящен стрелкам. Он слушал, подперев щеку ладонью, улыбался. Потом мы помыли посуду, не договариваясь — просто привычно, по отточенному маршруту. Всё стало медленным, мягким.

Перед сном стояла у раковины. Мыла кисти — тонкие, с загнутыми волосками. Вода сначала стекала прозрачная, потом стала розовой, как выцветшая акварель. Я смотрела, как краска растворяется, исчезает, будто день смывается с меня.

В зеркале — я. Рыжеватая голова, уставшие глаза. Немного распухшие губы. Арсений уже ушел лежать на кровать. Я

сидела с чашкой чая — терпкий, с липой, обжигал язык и согревал изнутри. В полутьме комнаты светился только экран телефона. Листала страницу студии, пока не наткнулась на знакомое имя. Преподаватели. И вот он — с гитарой в руках, в кадре — тот самый выражение лица: полуулыбка, как будто он знает чуть больше, чем говорит. Взгляд чуть в сторону, будто отстранённо, но с вниманием. Волосы всё так же расчёпаны, а в позе — упрямая мягкость человека, которому не нужно ничего доказывать. На стене были стихи Есенина и песни. Что-то про прощание, разлуку, дорогу, тоску. То, что держится внутри и выливается не в жалобы, а в строки, будто с заломами на бумаге. Пара каверов — знакомые аккорды, ироничный вокал. Шутка про барре — не помню, что это, честно, но в комментариях — знакомый всплеск: смех сквозь боль, как у тех, кто долго учится жить. Я коснулась пальцем экрана и поставила лайк. Осторожно нажала кнопку, погасила экран.

Я выключила свет и тоже отправилась спать. В комнате было полутемно. Только уличный свет скользил по шторам, и редкие блики легли на стены. Мы укрылись под одеяло, прижавшись плечами. Арсений провёл пальцем по моей щеке, будто что-то стирал — усталость или остатки чужих слов. Я поцеловала его — осторожно, без спешки. Он ответил, не углубляя, как будто прислушивался ко мне, к дыханию, к тишине вокруг. Руки нашли друг друга без слов. В движениях не было жадности, только знание и нежность. Он скользнул

ладонью вдоль моего позвоночника, как будто перечитывал знакомую страницу. Я чувствовала, как он замирает в каждом касании — не из страсти, а из желания сохранить. Всё было тепло, бесконечно тихо. Мы были внутри замкнутого мира, как два стиха, сливающиеся в одну строчку. Когда всё закончилось, он не отпустил. Только поцеловал в висок — медленно, будто благодарил. Я прижалась к нему, завернувшись как в гнездо.

— Спи, — прошептал он.

— Уже, — ответила я, не открывая глаз, и отвернувшись в другую сторону уснула. И ночь, наконец, обернулась домом.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.